ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ДОЛЖНОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СТАТУСОВ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Ш.Б.Нарзуллаева[1]

1. Преподаватель Азиатского международного университета Бухара, Узбекистан

Mas'ul muallif: Нарзуллаева Шоира Бахшиллоевна, Преподаватель Азиатского международного университета Бухара, Узбекистан.

e-mail: narzullayevashoira71@gmail.com

Received: 26 Oktabr 2026
Accepted: 31 Oktabr 2026
Published: 05 Noyabr 2026

Copyright: © 2026 by the author(s). Licensee Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi.

Iqtibos uchun: Нарзуллаева, Ш. Б. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ДОЛЖНОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СТАТУСОВ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ / Ш. Б. Нарзуллаева // Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi. — 2026. — Т. 11, № 1. — В. 153–157.

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-семантические свойства наименований должностей, профессий и социальных статусов, функционирующих в составе русских пословиц и поговорок. Материалом послужила выборка из 420 паремических единиц, извлечённых из сборника В. И. Даля и современных паремиологических словарей. На основе компонентного и контекстуального анализа выделены семь тематических групп социальных номинаций, установлены их количественные соотношения и выявлен характер оценочной коннотации. Показано, что в паремиях наименование лица по должности или статусу утрачивает сугубо номинативную функцию и становится носителем обобщённого культурного стереотипа; наиболее отрицательно маркированы номинации представителей власти, суда и духовенства, тогда как наименования ремесленников и воинов чаще получают положительную оценку. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного, лингвокультурологии и лексикографии.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, социальная номинация, наименование должности, социальный статус, коннотация, лингвокультурология, стереотип.

RUS XALQ MAQOL VA MATALLARIDA LAVOZIM VA IJTIMOIY MAQOM NOMLARINING LEKSIK-SEMANTIK XUSUSIYATLARI

Annotatsiya. Maqolada rus maqol va matallari tarkibida qo‘llanadigan lavozim, kasb va ijtimoiy maqom nomlarining leksik-semantik xususiyatlari tahlil qilinadi. Tadqiqot materiali sifatida V. I. Dal to‘plami hamda zamonaviy paremiologik lug‘atlardan ajratib olingan 420 ta paremik birlik o‘rganildi. Komponent va kontekstual tahlil asosida ijtimoiy nomlarning yettita tematik guruhi ajratildi, ularning miqdoriy nisbati aniqlandi va baholovchi konnotatsiyasining tabiati ochib berildi. Paremiyalarda shaxsning lavozim yoki maqom bo‘yicha nomlanishi sof nominativ vazifasini yo‘qotib, umumlashgan madaniy stereotip tashuvchisiga aylanishi ko‘rsatildi: hokimiyat, sud va ruhoniylar vakillarining nomlari ko‘proq salbiy, hunarmand va jangchilarning nomlari esa ijobiy baho oladi. Natijalardan rus tilini chet tili sifatida o‘qitishda, lingvokulturologiya va leksikografiyada foydalanish mumkin.

Kalit so'zlar: paremiya, maqol, matal, ijtimoiy nomlash, lavozim nomi, ijtimoiy maqom, konnotatsiya, lingvokulturologiya, stereotip.

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF JOB TITLES AND SOCIAL STATUS DESIGNATIONS IN RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS

Abstract. The article examines the lexico-semantic properties of names denoting positions, occupations and social statuses that occur in Russian proverbs and sayings. The study is based on a sample of 420 paremiological units drawn from V. I. Dahl's collection and modern dictionaries of proverbs. Using componential and contextual analysis, the author identifies seven thematic groups of social nominations, establishes their quantitative distribution and describes the nature of their evaluative connotation. It is shown that within a proverb the name of a person by position or status loses its purely nominative function and becomes a carrier of a generalized cultural stereotype: names of authorities, judges and clergy are predominantly negatively marked, whereas names of craftsmen and soldiers more often receive positive evaluation. The findings can be applied in teaching Russian as a foreign language, in linguoculturology and in lexicography.

Keywords: paremia, proverb, saying, social nomination, name of position, social status, connotation, linguoculturology, stereotype.

Введение. Пословицы и поговорки принадлежат к тем пластам языка, в которых наиболее ощутимо отражается коллективный опыт народа, его представления о справедливости, труде, богатстве и власти. Паремия, будучи кратким и устойчивым высказыванием, фиксирует не единичное наблюдение, а типизированную жизненную ситуацию, поэтому каждый её компонент несёт

дополнительную смысловую нагрузку. Особенно отчётливо это проявляется в тех случаях, когда в состав изречения входит наименование лица по должности, роду занятий или положению в обществе.

Социальная иерархия дореволюционной России - с её царём и боярами, барином и мужиком, попом и купцом - нашла в русском паремиологическом фонде многогранное воплощение. За словами «царь», «поп», «солдат» или «мужик» в пословице стоит не конкретный человек, а обобщённый образ, наделённый устойчивым набором признаков, оценок и ожиданий. Изучение подобных номинаций позволяет реконструировать фрагмент наивной картины мира, связанный с восприятием власти, труда и социального неравенства.

Вопросы семантики и прагматики паремий рассматривались в трудах Г. Л. Пермякова, В. П. Жукова, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, В. А. Масловой, а также в работах зарубежных паремиологов А. Тейлора и В. Мидера. Вместе с тем наименования должностей и социальных статусов как особый лексико-семантический класс в составе русских пословиц изучены недостаточно полно: имеющиеся исследования, как правило, затрагивают отдельные образы (например, образ царя или попа) и редко опираются на количественные данные.

Актуальность работы определяется, таким образом, потребностью в комплексном описании социальных номинаций в паремиях с учётом их тематической принадлежности, семантических трансформаций и оценочной окраски. Цель исследования - выявить лексико-семантические особенности наименований должностей и социальных статусов в русских пословицах и поговорках. Для её достижения решались следующие задачи: сформировать корпус паремий, содержащих социальные номинации; распределить номинации по тематическим группам; описать основные механизмы их семантического преобразования; определить характер и соотношение оценочных коннотаций.

Материал и методы исследования. Источником материала послужили «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова и «Большой словарь русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко. Методом сплошной выборки из них было извлечено 420 паремических единиц, в которых хотя бы один компонент обозначает лицо по должности, профессии, сословной принадлежности или имущественному положению. Варианты одной и той же пословицы учитывались как одна единица, если различия между ними не затрагивали социальную номинацию.

В работе использовались описательный метод, компонентный анализ значений лексем, контекстуальный анализ, позволяющий выявить приращения смысла в рамках паремии, а также элементы количественной обработки данных. Оценочная коннотация каждой номинации определялась по совокупности контекстуальных признаков: характеру предиката, наличию антитезы, иронической или назидательной модальности высказывания. Номинации, оценка которых в паремии не выражена явно, относились к нейтральным.

Результаты и обсуждение

1. Тематическая классификация социальных номинаций

Анализ корпуса показал, что наименования должностей и социальных статусов в русских паремиях образуют достаточно разветвлённую систему, которая в общих чертах воспроизводит сословно-профессиональное устройство традиционного общества. В зависимости от того, какую сферу социальной жизни обозначает номинация, были выделены семь тематических групп (табл. 1).

Таблица 1.

Тематические группы наименований должностей и социальных статусов в русских паремиях

Тематическая группа	Основные лексемы	Примеры паремий
Высшая власть и знать	царь, князь, барин, пан, боярин	До Бога высоко, до царя далеко; Из грязи в князи; Паны дерутся, а у холопов чубы трещат
Духовенство	поп, монах, игумен, дьяк	Каков поп, таков и приход; Не всяк монах, на ком клобук
Крестьянство и зависимые сословия	мужик, холоп, слуга, работник	Гром не грянет - мужик не перекрестится; Каков хозяин, таков и слуга
Ремесло и торговля	мастер, кузнец, сапожник, купец	Дело мастера боится; Сапожник без сапог; Всяк своего счастья кузнец
Военная служба	солдат, воин, генерал	Один в поле не воин; Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом
Суд и управление	судья, хозяин, начальник	Не бойся суда, бойся судьи; Хозяин - барин
Имущественный статус	богатый, бедный, нищий	Сытый голодного не разумеет; Богатый бедному не товарищ

Как видно из таблицы, в паремиях соседствуют номинации разной природы: собственно наименования должностей (судья, воевода, генерал), сословные наименования (барин, мужик, холоп), профессиональные наименования (кузнец, сапожник, купец) и субстантивированные прилагательные, обозначающие имущественное положение (богатый, бедный). Объединяет их общая функция - указание на место человека в социальной структуре, которое в рамках пословицы становится основанием для оценки его поведения и качеств.

Количественное распределение единиц по тематическим группам представлено в таблице 2 и на рисунке 1.

Таблица 2.

Количественное распределение паремий по тематическим группам социальных номинаций

Тематическая группа	Количество единиц	Доля, %
Высшая власть и знать	96	22,9
Крестьянство и зависимые сословия	87	20,7
Ремесло и торговля	64	15,2
Духовенство	58	13,8
Военная служба	41	9,8
Суд и управление	38	9,0
Имущественный статус	36	8,6
Всего	420	100,0

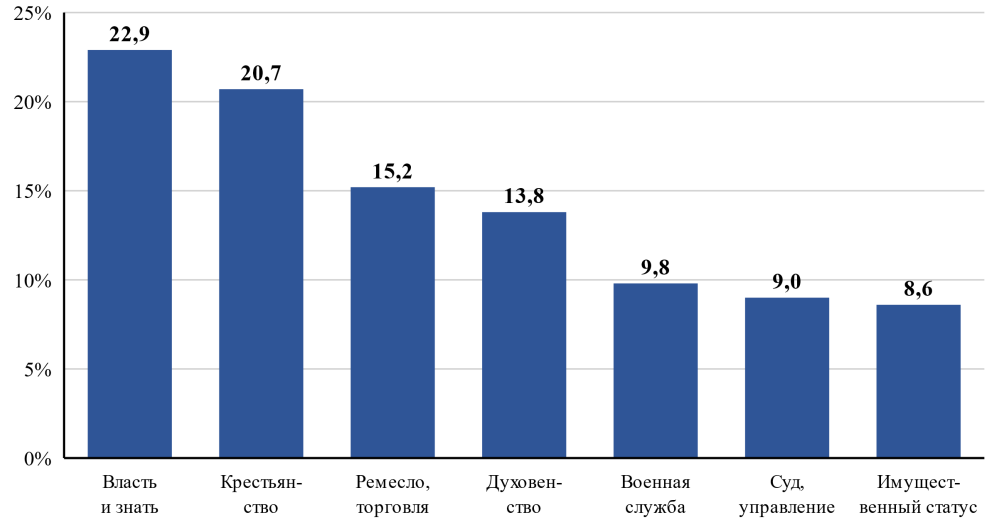

Рисунок 1. Распределение социальных номинаций в русских паремиях по тематическим группам, %

Наиболее многочисленными оказались группы «Высшая власть и знать» и «Крестьянство и зависимые сословия», на которые в совокупности приходится 43,6 % корпуса. Такое соотношение закономерно: противопоставление верхов и низов было главной осью социального опыта носителей традиционной культуры, и именно оно с наибольшей полнотой отразилось в паремиологии. Значительная доля номинаций ремесленников и торговцев (15,2 %) свидетельствует о высокой ценности труда и мастерства в народном сознании, тогда как сравнительно небольшая представленность судебно-управленческой лексики объясняется тем, что функции суда и управления нередко переносились на образы барина, царя или хозяина.

2. Семантические преобразования социальных номинаций

В составе паремии наименование должности или статуса, как правило, подвергается семантическому переосмыслению. Первым и наиболее общим его проявлением выступает генерализация: лексема утрачивает конкретную референтную отнесённость и начинает обозначать любого представителя данной социальной роли. Так, в пословице «Каков поп, таков и приход» слово «поп» обозначает уже не только священника, но всякого руководителя, от личных качеств которого зависит состояние подчинённого ему коллектива.

Вторым механизмом является метафоризация, при которой социальная номинация переносится на явления, вовсе не связанные с исходной сферой. Выражение «без царя в голове» характеризует легкомысленного человека: «царь» здесь осмысляется как управляющее начало, разум, порядок. Аналогично в пословице «Всяк своего счастья кузнец» профессиональная номинация служит образом активного, созидательного отношения к собственной судьбе.

Третий механизм - актуализация потенциальных сем, т. е. выдвижение на первый план тех признаков, которые в словарном значении слова отсутствуют или находятся на периферии. Лексема «мужик» в пословицах «Гром не грянет - мужик не перекрестится» и «Мужик задним умом крепок» приобретает семы ‘беспечность’, ‘недальновидность’, ‘склонность действовать лишь под давлением обстоятельств’, однако одновременно сохраняет ассоциации с житейской основательностью и терпением.

Важную роль играет и антитеза, на которой строится значительная часть паремий данной группы. Противопоставление «барин - мужик», «пан - холоп», «богатый - бедный», «сытый - голодный» формирует бинарную модель социального мира, в которой полюса оцениваются неодинаково. Пословица «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат» лаконично выражает идею о том, что за конфликты сильных расплачиваются слабые, а изречение «Сытый голодного не разумеет» фиксирует отсутствие взаимопонимания между социальными

полюсами.

Наконец, следует отметить метонимические переносы, при которых номинация лица замещает обозначение института или сферы деятельности. В пословице «До Бога высоко, до царя далеко» образ царя символизирует всю систему верховной власти, недосягаемую для простого человека, а в изречении «Не бойся суда, бойся судьи» противопоставляются идеальный институт правосудия и его конкретный, далеко не всегда беспристрастный исполнитель.

3. Оценочная коннотация социальных номинаций

Распределение оценочных коннотаций по тематическим группам отражено в таблице 3, а их общее соотношение в корпусе - на рисунке 2.

Таблица 3.

Оценочная коннотация социальных номинаций по тематическим группам (количество единиц)

Тематическая группа	Положительная	Отрицательная	Нейтральная	Всего
Высшая власть и знать	14	52	30	96
Крестьянство и зависимые сословия	31	24	32	87
Ремесло и торговля	38	9	17	64
Духовенство	9	35	14	58
Военная служба	22	7	12	41
Суд и управление	5	26	7	38
Имущественный статус	10	15	11	36
Итого	129 (30,7 %)	168 (40,0 %)	123 (29,3 %)	420 (100 %)

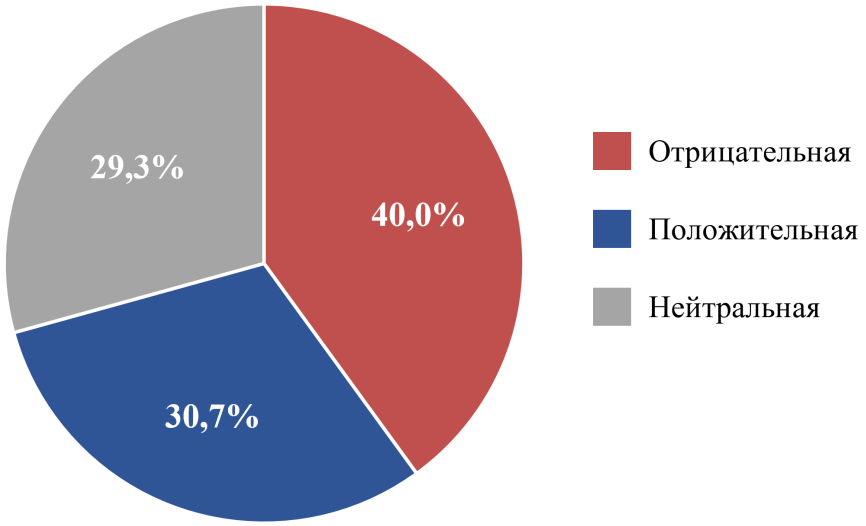

Рисунок 2. Соотношение типов оценочной коннотации социальных номинаций в корпусе, %

Полученные данные показывают, что в целом в корпусе преобладает отрицательная оценка (40,0 %), однако её распределение по группам крайне неравномерно. Максимальная концентрация негативных коннотаций отмечается в группе «Суд и управление» (26 из 38 единиц, т. е. 68,4 %), в группе «Духовенство» (60,3 %) и в группе «Высшая власть и знать» (54,2 %). Пословицы этих групп порицают корыстолюбие, лицемерие, произвол и равнодушие к нуждам простого человека: «Близ царя - близ смерти», «Поп своё, а чёрт своё», «С сильным не борись, с богатым не судись».

Противоположная картина наблюдается в группах «Ремесло и торговля» и «Военная служба», где положительная оценка преобладает (59,4 % и 53,7 % соответственно). Мастер, кузнец, солдат воспринимаются как носители умения, долга и стойкости: «Дело мастера боится», «Каков мастер, такова и работа», «Солдат спит - служба идёт». Примечательно, что даже в ироничных паремиях вроде «Сапожник без сапог» насмешка направлена не на профессию как таковую, а на парадоксальную житейскую ситуацию.

Группа «Крестьянство и зависимые сословия» отличается наиболее сбалансированным распределением оценок. Образ мужика амбивалентен: с одной стороны, ему приписываются простоватость и запоздалая реакция на события, с другой - трудолюбие, практическая сметка и выносливость. Подобная двойственность характерна для автостереотипа, поскольку пословица в значительной мере создавалась самой крестьянской средой, которая смотрела на себя одновременно критически и сочувственно.

Особого внимания заслуживает тот факт, что отрицательная оценка в паремиях адресована, как правило, не должности как таковой, а несоответствию между социальной ролью и поведением её носителя. Изречение «Не всяк монах, на ком клобук» осуждает не монашество, а лицемерие; пословица «Не бойся суда, бойся судьи» направлена не против правосудия, а против его искажения. Тем самым паремии выполняют нормативную функцию, формируя представление о том, каким должен быть «правильный» правитель, священник или судья.

Заключение. Проведённое исследование позволяет утверждать, что наименования должностей и социальных статусов составляют в русском паремиологическом фонде обширный и системно организованный пласт лексики. В корпусе из 420 единиц выделено семь тематических групп, среди которых наиболее представлены номинации высшей власти и знати, а также крестьянства и зависимых сословий, что отражает центральное для традиционной культуры противопоставление «верхов» и «низов».

В составе пословицы социальная номинация утрачивает чисто номинативный характер и становится знаком обобщённого культурного стереотипа. Основными механизмами её семантического преобразования являются генерализация, метафоризация, метонимия, актуализация потенциальных сем и включение в антитезу. Благодаря этим механизмам слова «царь», «поп», «мужик», «мастер» приобретают в паремиях устойчивые оценочные приращения, не фиксируемые толковыми словарями.

Оценочный профиль социальных номинаций неоднороден: наиболее негативно маркированы представители суда, управления, духовенства и знати, тогда как ремесленники и воины чаще получают положительную характеристику, а образ крестьянина отличается амбивалентностью. При этом осуждению подвергается прежде всего несоответствие носителя роли её социальному назначению, что указывает на нормативно-дидактическую природу паремий.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставительным изучением социальных номинаций в русских и узбекских пословицах, а также с анализом их функционирования в современном медийном дискурсе, где традиционные паремии нередко подвергаются трансформации.

Список использованной литературы

[1] Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки. - М.: Художественная литература, 1988. - 431 с.
[2] Даль В. И. Пословицы русского народа. - М.: Гослитиздат, 1957. - 992 с.
[3] Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. - М.: Русский язык, 1991. - 534 с.
[4] Маслова В. А. Лингвокультурология. - М.: Академия, 2001. - 208 с.
[5] Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. - М.: Высшая школа, 1990. - 160 с.
[6] Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. - М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. - 1024 с.
[7] Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. - М.: Наука, 1970. - 240 с.
[8] Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Языки русской культуры, 1996. - 288 с.
[9] Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. - М.: Наука, 1973. - 280 с.
[10] Шомақсудов Ш., Шораҳмедов Ш. Ҳикматнома: Ўзбек мумтоз адабиёти намуналари. - Тошкент: Ўзбек совет энциклопедияси, 1990. - 528 б.
[11] Mieder W. Proverbs: A Handbook. - Westport: Greenwood Press, 2004. - 304 p.
[12] Taylor A. The Proverb. - Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1931. - 223 p.